

Большая любовь тёти Маши

Все незамужние женщины хотят выйти замуж. Кто считает, что это не так, тот плохо о нас думает. Все, абсолютно все без исключения мечтают заарканить какого-нибудь подходящего мужчину и править им. Или чтобы он правил. Третьего не дано. Это великое знание я приобрела в девятнадцать лет и с тех пор убеждений не меняла. И была я юна, и, как теперь только стало понятно, — прекрасна. Но разговор не обо мне, отвлеклась.

Была у меня тогда очень пожилая тридцатипятилетняя подруга. Практически древняя старуха. Работала она заведующей столовой большого НИИ, статусная была женщина. И у неё, в свою очередь, были ещё более древние и не менее статусные подруги. Одна, тридцативосьмилетняя, заведовала овощебазой, вторая, самая старая сорокалетка, была главным кадровиком огромного ДСК. Жили они себе поживали сырами в масле.

Всё у них было, и ничего им за это не было. Четырёхкомнатные квартиры в хрустальных люстрах и вазах, в узбекских коврах и невероятной комфортности спальных гарнитурах. Великие женщины. Ко всему этому благолепию у двоих прилагались мужья. У завстоловой – разбитой монтажник Игорюха, у завбазой – добрейший руководитель заводской самодеятельности, гармонист Колясик (так и только так его называла супруга).

У главного кадровика мужа не было. И это было страшной трагедией. Во всяком случае, все наши посиделки на определённом градусе заканчивались её горькими рыданиями с причитаниями: какие все счастливые и только она, одна она одинока, как маяк в океане, и нет ей в этой жизни ни просвета, ни счастья. Боль одиночества была настолько страшной и материальной, что хрустали тускнели и переставали звенеть, а ковры теряли шелковистость. Не жизнь, а дно Марианской впадины.

Для меня, считавшей, что в сорок только две дороги: в крематорий или геронтологический санаторий, эти страдания были смешны до колик. Какая любовь может случиться с человеком с перманентом, рубиновыми перстнями на трёх пальцах и отметкой в паспорте – сорок лет?! Постыдились бы... Но молчала я, понятное дело. А вот верные подруги не молчали. Утешали, строили планы захвата какого-нибудь зазевавшегося вдовца и разведенца.

А он все никак не находился. А если и находился, то не подходил по параметрам: то выяснится, что будущий счастливый жених тихий алкаш, то ходок, то статью не вышел. Кадровик (звали её Марией) была женщиной монументальной и терпеть рядом с собой какой-то там „пороссячий ососок” (цитата) не собиралась. А вот в кошельки претендентов дамы не заглядывали – не считали нужным, всё же у них было, вы помните.

Пока шли трудные поиски, навстречу своему счастью из северной деревушки выехал мужчина в самом расцвете лет по фамилии Генералов и пришёл устраиваться на работу в ДСК. Монтажником. Рука судьбы уже крепко держала за холку счастливца, шансов вернуться не было никаких. И попадает он на собеседование не к рядовому кадровику, а к нашей рубиново-перманентной Марии. А чтоб вы всё до конца понимали, фамилия Марии была не менее героической, оцените: Маршал.

Вечером был созван весь генштаб и адъютанты в моём лице. На кухонном столе лежали карты боевых действий. А если быть точной – от руки написанная биография и фото соискателя на позицию монтажник-высотник. С паспортного чёрно-белого фото на нас смотрел мужик с тяжёлым взглядом и усами, которых хватило бы на пять составов „Сябров” и „Песняров”. Мария рыдала. От любви, конечно же. Это была страсть с первого взгляда. Сокрушительная.

Мы с пристрастием разглядывали Усы и осторожно делились впечатлениями:

– Ну ничего так мужикашка: чернявенький, усявенький. (Комментарий завстоловой.)

– Наташа, да ты посмотри на его нос! Гоголь от зависти умер бы, Сирано де Бержерак глаз при таком носе не поднял бы из уважения к пропорциям. (Это уже я умничаю.)

На меня жестко посмотрели. Терпеливо вздохнули и в три голоса объяснили, что большой нос для мужчины как раз является подтверждением его... гм... несокрушимой мужественности (жизнь, конечно, потом внесла в эти знания свои коррективы, да не об этом сейчас разговор). Но тогда я поверила подружкам на слово. Задавили опытом.

Соборно решили, что такие усы не имеют права бесхозно болтаться по городу и что „надо брать”. Но как? Как подкатить к простому работяге, если ты вся в хрусталях и песцовой шапке, а он в общаге на панцирной сетке?

– Наташа, ну как я с ним подружусь, он же не пьёт! Совсем!

– Закодированный что ли?

– Не знаю, не пьет, и все, ни грамм улечки! Я уже и в гараж его звал, и в баню. Он приходит – и не пьёт. Машину, вон, батину отремонтировал, как новая теперь фырчит – и не пьёт; парится в бане, как чёрт, и не пьёт – как с ним дружить?!

Усы по решению женсовета были определены к мужу завстоловой в бригаду монтажников, с целью охмурения сначала „великой мужской дружбой” с последующим захватом уже женским генштабом. Но Усы не сдавались. Усы не пили, не курили и не читали советских газет. Усы оказались интровертами, которые быстро делали порученное им дело и тут же скрывались в общегитии. По свидетельствам очевидцев, Усы записались в городскую библиотеку, много читали и что-то время от времени записывали в толстую тетрадь, которая хранилась под матрасом. Рабочий кодекс чести не позволял соседям втихушку достать эту тетрадь и выяснить, что же он там записывает. Это было „не по-пацански” и на все уговоры женщин, которые пацанскими понятиями не жили, а только страстно желали узнать, не пишут ли Усы кому любовных писем (у баб одно на уме!), была единственная возможная реакция: а не пошли бы вы, тётки, куда подальше со своими просьбами. Не крысы мы, мы – мужики честные. Раз прячет человек, значит так надо.

Ни шантажом, ни подкупом не удалось разбить монолит порядочности „простого рабочего человека”. Как ни старались. Всё это оказалось дополнительным плюсом в карму Усов, так как ничто не делает мужчину ещё более желанным, как налёт загадочности и тайны. Мария наша уже сходилась с ума не хуже Велюрова, ежедневные сходы генштаба не вносили никакой ясности, а лишь только усугубляли и без того незавидное положение сгорающей от страсти женщины. Рубины тускнели, перманент расправлялся, платья уже не соблазнительно обхватывали выпуклость форм, а спущенным флагом болтались на стремительно теряющей стать фигуре. Мария угасала на глазах. Мария была тяжело влюблена в одностороннем порядке, и что с этим делать – мы не знали.

А Усы тем временем выбились в передовики производства и помимо посещения библиотеки были пару раз замечены на репетициях художественной самодеятельности, пока что в качестве безмолвного зрителя. Генштаб вынес единственно правильный с женской точки зрения приговор: бабу себе там присмотрел. Иначе, зачем здоровый мужик сорока лет отроду будет шастать по репетициям и концертам? Только из-за бабы. Любовь к искусству в этих кругах не рассматривалась абсолютно.

В Марииной судьбе уже не призрачно, а очень даже отчётливо замаячила кардиореанимация. Сердце кадровика оказалось не готовым к испепеляющему марафону неразделённой

любви, сердце медицински стало страдать тахикардией, переходящей в мерцательную аритмию. И тут мы поняли, что без решительного наступления женской армии ситуация не разрешится никогда. Совет собрали у одра тяжкоболящей рабы Божией Марии.

Умирала Мария по всем правилам жанра. Потухший взор, впалость когда-то сияющих здоровьем щёк, потускневший до бледно-тараканьего некогда рубиновый перманент... Одним словом, уходила из Марии жизнь уже не по капле, а по ведру в день. Мы стояли у одра и пытались заткнуть её ментальные дыры своими полными физического и морального здоровья телами. Тщетно. Мария хотела уже только одного: умереть. Во цвете лет, на пике карьеры и хрустально-коврового благополучия она решила во имя любви оставить этот презренный мир материальных ценностей и сгинуть на одном из Томских кладбищ. Завещание было составлено, и ничего более не удерживало её на этой жестокой, лишенной любви и счастья планете по имени Земля...

Но было одно обстоятельство, которое не позволило ей скончаться в этот же день, а именно – заседание профкома, бессменным председателем которого Мария была уже лет шесть. На повестке дня было распределение квартир между очередниками и льготниками (о, эти благословенные времена, кто помнит, когда по истечении пятнадцати лет ожиданий, мотовни по общагам и коммуналкам родное до зубовного скрежета предприятие одаривало своих сотрудников живыми квадратными метрами!). Без Марии, знамо дело, эти метры ни за что правильно не распределили бы, и священный долг поднял её со смертного одра, как расслабленного у Овчей купели, и кое-как причесавшись, не надев рубинов и люреков, сожжённая огнём любви почти до основания, Мария собралась на вечернее заседание.

Тут я от безысходности выступаю с бредовейшим предложением:

– Маш, а ты выбей ему квартиру. Тогда вы как-то в статусах сравняетесь с Усищами, и можно будет уже реально к нему подкатить. На новоселье через Игоряна напроситься, всё ж таки он его бригадир, с переездом помочь и под шумок тетрадку вожделенную тиснуть и прочесть. От мужиков-то всё равно никакого прока с их порядочностью. А нам можно, женское любопытство – не порок!

В потухших глазах Марии заалел огонь надежды. Воспылал, взвился кострами...

Завбазой и завстоловой смотрели на меня с нескрываемым восхищением. Оказалось, что бредовой моя идея была только для меня. Как говорят англичане, „нет ничего невозможного для сильно жаждущего сердца“. Сердце Марии жаждало усатой любви настолько, что остановить её порыв не смогли бы и боевые слоны Александра Македонского.

Электробигуди. Тушь „Ланком“, помада цвета „цикламен в перламутрах“, польский костюм тончайшей красной шерсти, лаковые сапоги „в колено“ на тончайшей шпильке – и от умирающей лебеди не осталось и следа. Валькирия, готовая сражаться со всем бюрократическим миром во имя любви, предстала пред нашими очами буквально через полчаса. Мы втроём с ужасом и восхищением наблюдали этот квантовый скачок от смерти к жизни и не верили своим глазам.

Мне за креатив и живость ума были тут же подарены золотые серёжки, от которых, понятное дело, отказываться было бесполезно, да и незачем. Заслужила. Воздвигла от одра болящую, не шулки шутила.

Никто до сих пор не знает, какие аргументы приводила Мария на том собрании в пользу вожделенных Усов, на какие кнопки нажимала и кому потом увозила пару новых ковров в целлофане, кому подарила свою очередь на новый румынский гарнитур, но факт остаётся фактом: Усы вне всякой очереди (да он на неё и не вставал, скорей всего, работал ка-

ких-то восемь месяцев) получили ключи от прекраснейшей „малосемейки”; одиноким в то время большие метражи не полагались. Не умеешь плодиться – сиди в малометражке. Усы изумились до невозможности такому кульбиту в судьбе, но от квартиры не отказались (хоть ты живи в библиотеке и сто тетрадей испиши, квартирный вопрос от этого менее насущным не становится). Пробили брешь в святом образе хитрые бабы.

Усы были поставлены перед фактом, что на новоселье бригадир его Игорян явится не один, а с семьей и друзьями семьи, которые привыкли вот такой здоровенной толпой делить вместе все радости и горести, все взлеты и падения – и свои, и друзей, и друзей друзей. Дополнительным бонусом в карму нашей шумной сорочьей стае шла полная организация пира по случаю получения Усами ордера. Усы поначалу пытались сопротивляться, но где уж устоять перед натиском нашего табора, в котором каждый был бароном, и сопротивление было сломлено, не успев начаться.

И сорокоградусным зимним утром наш караван выдвинулся в сторону новостроек.

Всю ночь перед этим знаменательным днём два лучших томских шеф-повара варили, пекли, жарили, взбивали, заливали желатином в столовой закрытого НИИ трапезу, достойную высших членов политбюро. Помидорные розы, каллы из отварной моркови с глазками дефицитного консервированного горошка в обрамлении петрушечных кустов, „сельдь под шубой” в вип-исполнении, заливные судачки, буженина, убивающая своим чесночно-перцовым ароматом всякого, кто приближался к ней на небезопасное расстояние, разнузданные цыплята табака, отбивные из парной свинины...

Спецрейсом из Стрежевого в ночь прилетели томные и благоуханные осетры и игривые стерлядки, сочащиеся смоляным жиром через пергаментную бумагу. Белоснежная нельма размером с хорошего дядьку, замотанная благодаря некондиционным габаритам в простынь по горло, таращила свой радужный глаз и, казалось, подмигивала им в предвкушении: „Эх, погуляем!”.

По мелочи ещё, конечно, пара картонных коробок с сервелатами-балыками, вчера ещё бегающими задорными свинками и потряхивающими весёлыми хвостиками на территории свиного комплекса, а сегодня уже обретших строгий геометрический вид и веревочные хвосты для лучшей укладки и транспортировки. В трёхлитровых банках колыхалось свежайшее пивцо утреннего разлива (спецрейс с пивзавода в шесть утра, на директорской „волге”), коньяк для вальяжности, водочка „для куражу” и „красное-сладенькое для девочек”. Девочки, правда, все как одна лопали водку – не хуже, а где-то даже и получше нормальных мужиков, но для форсу – надо. Не сразу же утончённые Усы озадачивать своими умениями. Для него, как непьющего, взяли ящик „Буратины” (пусть порадует человека).

Бесчувственную, сменившую 58 размер на 48 Марию выводили из дома под руки. Не несли ноги сомлевшую от предчувствия счастья или несчастья, истомившуюся в любовных муках женщину. Мы все уже порядком устали сострадать подруге, поэтому были настроены на решительный abordаж, когда уже „или пан, или пропал”.

Ухайдоканная страстью нежной и от этого вся потусторонняя Мария, хохотуша Люся-завбазой с Колястиком и аккордеоном, Наталья-завстоловой, томная красавица в чернобурках, перевитых соболями, изумрудах с голубиное яйцо, языком настолько острым, что его хватило бы на три украинских села и мужем, вечным пацаном – Игорюхой. Ну и я, конечно, ваша покорная слуга, юная, ржущая молодой кобылой без перерывов на обед, правда, без соболей и брильянтов, но это отлично компенсировалось датой рождения. В тот момент мы были похожи на альпинистов, стоящих у подножия Джомолунгмы, решая и гадая, покорится нам вершина или нет. Квартира усатого новосёла располагалась на восьмом этаже, мы стояли у подъезда в молчании, высчитывая глазами окна светёлки, где в ожидании своего счастья томился Машкин принц.

И грянул праздник!

Как мы ползли до восьмого этажа (а дом-то новый, а лифт-то ещё не подключен!), навьюченные аккордеонами, балыками и заливными судачками „а-ля натюрель” без лифта – „будем знать только мы с тобой”. Но мы смогли, выдюжили и оправдали, мы каким-то чудесным образом все донесли, не помяв, не расплескав, не сломав и не уронив. Чего всё это стоило, не высказать. Объёмы пролитого пота помнят только норковые „чалмы”, ондатровые „формовки”, да я, раба многогрешная. Марию волокли волоком, чуть ли не за ноги, поставив в один ряд с балыками и вип-селедкой. Лишь бы дойти, лишь бы достигнуть вожаемой цели... И мы достигли.

– Итить-колотить, – подал голос стокилограммовый Колясик. – Как тяжело любовь добывается...

Мы зашикали на него всем хором – акустика-то роскошная в пустом подъезде, а ну как жених молодой раньше времени обрадуется? У двери под номером 32 мы торжественно остановились, отдышались, надавали свежих пощёчин уже совершенно бездыханной Марии и хором на последовавший из-за двери вопрос: „Кто?” дружным хором гаркнули: „Конь в пальто!”.

Отверзлась дверь, и на пороге, во всём блеске своей красоты предстали Усы. В идеально отглаженных чёрных брюках и белоснежной, той хрустящей снежной белизны, что нам, людям эпохи техники „mille”, уже и не снилась, рубашке. Мы обомлели всей женской половиной табора и моментально поняли, почему так страшно страдала Мария. Усы были невозможно, кинематографически, журнально красивы. Он был не фотогеничен, да и кому повезло на паспортном фото выглядеть прилично? А другого мы и не видели. Но в жизни это было „что-то с чем-то”. Рядом с ним все чернобурки смотрелись облезлыми кошками, брильянты напоминали куски асфальта, люрексы – мешковину, а все мы вместе взятые – канадскую „траву у дома”, которая вроде и зелена, но не мягка и не душиста, так, имитация... Даже буженина и та втянула вовнутрь весь свой чесночный дух и скромно пахла половой тряпкой.

Мы, сглотнув слюну, вытащили Марию из двадцать пятого глубокого обморока и прошествовали в тридцатиметровые апартаменты. И завертелось. Стола не было, да и откуда взяться этому столу? Дастарханом, на полу, раскинули двуспальную льняную скатерть, наметали туда всё, что (было в печи) навертели за ночь шеф-повара, уселись по-турецки и пошёл пир горой.

В кассетнике страдала Ирина Аллегрова, а на полу, между мной и Колястиком, страдала Мария. Усы поначалу стеснялись незнакомой компании, но после второй бутылки „Бура-тино” неожиданно разошлись и начали сыпать шутками, тостами, рот под усами не закрывался, мужики хохотали каким-то своим производственным юморочком, а мы тремя квелими коровами сидели, пучили бестолковые свои глаза на эту усатую красоту и слова не могли вымолвить. Всё-таки красивый мужик – это вам не баран чихнул, это такая же редкость, как брильянт „Наследие Уинстона”: он вроде как и существует, и нашли его простые люди в Ботсване, а фиг его заимеешь. Ты его вроде как априори недостойна, из-за хронической нехватки средств, возможностей и, что греха таить – породы.

И тут в дверь постучали. По-хозяйски, так стучат в дом, в котором ждут и где не удивятся твоему приходу. Усы резво подскочили и в один прыжок оказались у двери.

– Маша, проходи, проходи скорей, знакомься, это мои друзья, новоселье празднуем, давай чемодан, вот тапочки тебе, да, мои, других нет, Маш...

Мы с ужасом наблюдали за этой встречей, понимая, что наш льняной дастархан вот-вот превратится в саван. Новоявленная Маша была неприлично молода и приятна собой до невозможности. Ладная, высокая, с ногами, растущими прямо из конского хвоста, туго затянутого лентой на голове.

Я посмотрела на нашу Машку, от которой уже просто разило могилой, и мне захотелось плакать. Плакать от великой бабьей жалости, которую мы можем испытывать независимо от возраста и количества траншей, из которых приходилось вылезать после падения. Наша Маша была уже сама по себе саван. Белая, бескостная и бесплотная, в неё саму уже можно было покойничков заворачивать... Она механически подносила к губам стакан с „красненьким-сладеньким“, отпивала по чуть-чуть и не реагировала ни на какие внешние воздействия. Запах еды улетучивался, а на его место водворялся запах неминуемой трагедии. И только Усы и его гостя не видели и не чувствовали надвигающейся беды.

– А я ей говорю, Машке: это ж какое счастье, что теперь у меня есть жилье, сколько уже можно по общагам мотаться? Теперь вот так, в тесноте, да не в обиде, я ж её тоже заставил из общаги уйти, будет теперь как королева, в своём душе мыться, а это же счастье, такое счастье, да, Маш?!

Завстоловой медленными глотками тянула из стакана водку и в упор смотрела на съёживающегося с каждой секундой мужа-Игорюху, из которого жизнь уходила на глазах, соразмерно сделанным Натальей глоткам. Проштрафился, прокололся, самого главного не выведаль почти за год общения со своим подчинённым, и по всем правилам жанра он должен был пострадать. Люто и страшно. Возможно, в последний раз.

Колясик с Люсей тем временем вытягивали из футляра аккордеон, решив, что теперь-то уж чего делать, помирать, так с музыкой, шоу маст гоу он, как говорится. Но тут тоже вышла осечка, потому что первым номером в репертуаре семейного дуэта, независимо от квалификации праздника, всегда шла песня „Враги сожгли родную хату“. Восьмое марта, день рождения, крестины, смотрины, просто дружеские посиделки – традиция оставалась неизменной: в начале пели „про хату“, в память Люськиного отца, героического командира дивизии.

В общем, всё очень „а-ля-рюсс“. Разбитые надежды, „красивая и смелая дорогу перешла“, вот-вот от горя умрёт несостоявшаяся невеста, а над всем этим вселенским ужасом и апокалипсисом парит вибрирующее Люсино сопрано: „Куда теперь идти солдату? Кому нести печаль свою?“ (и ведь не приврала я ни слова, всё так и было).

И тут мой взгляд падает на подоконник. Там лежит потрёпанная книжка. Тургенев. „Ася-Рудин-Дым“, три в одном. На книжке лежит пачка лезвий для бритвы „Нева“, и этот натюрморт добивает меня окончательно. Я ещё раз смотрю на окаменевшую в своём горе нашу Машу, на источающую ненависть ко всему существу Наташу, на съёжившегося трюфелем Игоря, на разливающихся в творческом экстазе Колю с Люсей, на Машку-соперницу и красавца усатого Серёгу, и начинаю хохотать нечеловеческим вороньим хохотом...

– Я, пожалуй, пойду, – встrepенулась, очнувшись от обморока, наша Маша. – Да, пойду...

– Сидеть! – цедит сквозь зубы осушившая уже второй стакан завстоловой. – Сидеть, я сказала, не двигаться! Щас мы... Щас мы всех тут на чистую воду выведем, щас мы тут всех...

Праздник, несомненно, шёл к тому, чтобы стать лучшим из всех до этого случившихся.

Наташа тяжело поднялась с пола, выпрямилась во весь свой стопятидесятисантиметровый рост, и началось. Началось то, что обычно бывало на шахтёрских окраинах Анжерки, откуда почти вся честная компания была родом и где только в честном, пусть и кровавом бою добывались и победа, и справедливость.

– Слышь, профура, ты откуда к нам такая красивая приехала? Он же тебе в папаши годится! В папаши, а не в хахали! Квартирку унюхала и прикатила с чемоданчиком, лихая казачка?.. В душе она мыться собралась, чистоплотная наша! Игорь, быстро поляну собирай, к нам поедem догуливать! Люся! Глаза открыла, рот закрыла, гармошку в чемодан, Колясика – в ботинки, все едем к нам, хватит, нагостевались, спасибо за приём, как говорится! Спасибо за всё!!! Смотреть противно! А мы-то, мы-то думали, нормальный мужик, а ты – тьфу, кобелище, хоть и по библиотекам ходишь!

– ...?!!! Наташа?!! Наташа, вы что? Кто профура? Почему? Да вы вообще что тут себе позволяете, Наташа? У меня же в доме! Маша, Маша, постой, куда ты, Маша?! (Звук захлопывающейся двери)

И тут Игорюхину сердце не выдерживает всего этого позорища, он подскакивает и с криком: „Да колотись оно всё перевернись, ваше бабье отродье!” со всей дури бьёт кулаком в оконное стекло (женщину, по пацанским понятиям, он ударить не может, друга – не за что, поэтому окно – самое то). А вы видели кулак монтажника? Нет? Я видела... Двойное стекло оказывается пробитым насквозь, осколки в секунду разрезают рубашечную ткань и Игорюхину плоть, и потоки... нет, не так, не потоки – реки, багровые реки крови начинают орошать подоконник с Тургеневым, „Асей”, „Рудиным” и „Дымом”, струясь по „Неве”. Тихо. Страшно.

Игорь, разбушлатившись, совершенно не обращал внимания на вопли жены и коллектива, размахивал во все стороны изрезанной конечностью, поливая фонтанирующей из ран кровью стены в свежих обоях, дастархан, тела и лица присутствующих, и орал так, что наши круги кровообращения поворачивали вспять от ужаса происходящего.

– Серёга, снимай рубаху, надо его перевязать, – крикнул Колясик и одним рывком оторвал рукав белоснежной рубашки онемевшего в этом кошмаре новосёла. (А чью ещё рвать? Белая, достойная стать бинтами для раненого бойца, была только у Усов).

В секунды рубашка превратилась в перевязочный материал, а Серёга предстал пред нами во всей своей окончательно уже открывшейся красе. Было на что посмотреть, да... Бездыханная наша Маша получила последний контрольный выстрел бессердечного Амура и сломанной куклой валялась где-то в углу, да и не до неё уже всем было. Сколько можно сострадать, не железные мы.

– Наташка, хорош орать, бегом в машину, в больницу ему надо, потеряем мужика с вашими разборками! – Колясик, милый и с виду никчемный руководитель художественной самодеятельности, на глазах превратился в главнокомандующего. – Люся, пакуй коньяк, мы его не начинали, врачам дашь, чтобы милицию не привлекали. Где Наташка?! Муж погибает, ей и дела нет. Наташа!

И тут в партитуру нашего побоища вливается страшный гром литавр (зачёркнуто), ужасный грохот и скрежет чего-то металлического и звуки стремительной горной реки. В одну секунду на полу образуется огромная лужа, из ванной комнатки раздается кряхтение, звук бьющегося стекла (к которому мы уже успели привыкнуть), и кадансом идут чьи-то всхлипы и рыдания.

– Игооооорь, Игооооорь, иди сюда, я, кажется, ногу сломала... – И вой – пианистый, на одной нотке.

Открывается дверь ванной комнатки, и оттуда цунами выносит завстоловой. В абсолютно мокром платье, с окровавленными руками и безжизненной, распухающей на наших глазах ногой.

(Здесь, по идее, должна быть прямая речь всех участников драмы, но из этических соображений я её опускаю, чтобы не оскорбить ненароком чьих-нибудь нежных чувств).

В ходе непринужденной беседы выяснилось, что в начале банкета предусмотрительные хозяйшки набрали полную ванну холодной воды и погрузили в неё все пять трёхлитровых банок с пивом, чтоб не скисло, значит, и своей прохладой могло порадовать любого страждущего даже на следующий день. А Наталья, зашедши в ванную комнату, перед отбытием из гостеприимного дома решила сполоснуть разгоряченное своё лицо, присела на край переполненной ванны и... 58 размер, что вы хотели? Ванна была плохо закреплена и опрокинулась вместе с трепетной девяностокилограммовой ланью и всем содержимым. Натали пыталась спасти банки, да не вышло, только изрезалась вся.

Новоселье удалось на славу, стены в изобилии были окроплены кровью, единственная рубаша новосёла изорвана в клочья на бинты, ванна вырвана с корнем, вода на полу, перемешанная с кровью, плавающие в ней тарелки с заливным и осетриной, петрушка – ряской по всем углам, разбитое окно (зима, крещенские морозы, Томск)...

– Погуляли, ёлки-моталки, справили. Так, все по машинам, в травмпункт! Ты и ты, – перст Колясика упёрся в мой нос и в угол, где притаилось тело Марии, – тряпки в зубы, всё убрать и перемыть. Через час за вами заеду. Игорь, отдай стакан, больничный не дадут, если врачи поймут, что ты пил. Люся, мухой в машину – греть, не таращся... Серёга, тащи Наташку вниз, ей не доползти самой.

И тут одноногая Наталья восстала. Не захотела ни в какую, чтобы Усы её тащили с восьмого этажа, заартачилась, несмотря на своё плачевное положение, как ни уговаривали. И в результате пёрли мы её вдвоем с Люсей, проклиная всё на свете, а прежде всего аппетит и должность нашей тяжеловесной подруги.

В травмпункте ржали все, начиная от хирургов и заканчивая пожилой санитарочкой. Хитрый Колясик обязал меня в красках, со всеми подробностями рассказать историю получения травм, чтобы у расчувствовавшихся медиков (а уж служители травмпунктов повидали многое, их не разжалобишь) не возникло даже мысли привлечь стражей порядка в связи с обилием колото-резаных ран на телах супружеской пары Ильичёвых. Я и старалась, конечно, и про любовь злую, и про аккордеон, и про Машку-разлучницу... Гогот стоял нечеловеческий. Коньяк, опять же, непочатый. Уломали мы хирургов не доносить на нас милиции и не указывать в истории болезни, что пострадавшие были не совсем трезвы. Слава Богу, от полученных травм никто не скончался – и ладно.

– Слушайте, а наша-то Маша где? – поинтересовался свежешапопанный Игорь.

– Забыли мы её у Сереги, да не маленькая, дома поди уже сидит, ковры слезами удобряет...

– У меня сердце не на месте, – молвила Люся, – надо поехать, проведать, как она там, беды бы не натворила в таком состоянии...

И наш боевой отряд, в бинтах и гипсе, выдвинулся к Маше.

Сердца остановились у всех, когда мы поднялись на нужный этаж и увидели чуть приоткрытую дверь в Машину квартиру. Там хрустелей одних на тыщи было, в таких квартирах дверь должна быть всегда хорошо закрыта, а тут – открыто... Воображение всех присутствующих мигом нарисовало картину хладных ног, болтающихся над полом. Зайти пер-

вым никто не решался. Топчемся, прислушиваемся... И слышим – смех, женский, следом какое-то мужское бу-бу-бу и опять смех, не Машкин... Ставший в тот вечер очень героическим Колясик рванул дверь и ворвался в прихожую, следом уже все мы.

На кухне, за накрытым столом сидели трое: наша Маша, Усы и Маша-молодуха-разлучница. Увидев наши застывшие в немом вопросе физиономии, они начали истерически хохотать, а следом за ними и мы. До слёз, до икоты.

События после нашего отъезда разворачивались следующим образом. Сергей убежал на поиски Маши-разлучницы, а наша Маша от холода начала приходить в себя и на нервных почвах за час с небольшим привела квартиру в относительный порядок. Только собралась уходить, явились Усы с зарёванной молодухой. В доме находиться невозможно – всё заледенело, на улице сорокаградусный мороз, из окна ветер свищет, стены в крови, ванна с корнем вывернутая в санузле валяется, как тут ночевать? Вот наша Маша их к себе и забрала, обоих. В тепле, да под бутылочку всех разморило-развезло, и Машка наша возьми и выдай Усам всю правду-матку. И про любовь свою злую, с первого взгляда, и про квартиру, и про надежды её несбывшиеся.

А вторая Маша, возьми и ляпни тут же: „Тётъ Маш, да он по вам сам с первой встречи сохнет, не знает, как подкатить. Вы ж при должности и вообще, а он работяга без кола и двора, куда ему до вас. Вы ж вон красавица какая, по вам половина ДСК страдает, неужели вы не в курсе?“

Почему в тот момент Машку нашу не хватил инфаркт – я не знаю, меня бы точно хватил. А может, и был обморок, да нам не рассказали. В кухне разливался свет взаимной любви и будущего семейного счастья.

А „разлучница“ оказалась дочерью Серёгина комдива, с которым он прошёл Афганистан, а погиб уже на гражданке, вместе с женой, в страшной аварии. А Усам девочку удочерить не дали, но он опекал её всё это время и хотел впоследствии отдать ей свою квартиру, молодая же, ей надо...

Сергей с Машей поженились через две недели. Сыну их, Косте, уже 22, оканчивает университет в Томске. Молодую Машу выдали замуж через два года и вся наша компания, конечно же, там была в качестве самых дорогих гостей, мёд-пиво пила и по странному стечению обстоятельств ничего не разбила, не подожгла и никто не покалечился.

Вот такая история.

(А в тетрадку, ту вожденную, Сергей переписывал понравившиеся стихи. Для интересующихся).

Ульяна МЕНЬШИКОВА.